

БАКОН

фестиваль

Парад золотых масок

у Катерины Измайловой разыгралось воображение

Минусинский театр привез на «Золотую маску» свою версию Лескова

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Минусинский драмтеатр на «Золотой маске» не новичок. За последнюю пятилетку он приезжал в Москву дважды: один раз с чеховской «Чайкой», другой — с инсценировкой романа Мариенгофа «Циники». На нынешнюю «Маску» худрук Минусинской драмы Алексей Песегов привез изящно выполненную инсценировку лесковской «Леди Макбет Мценского уезда», переименованную режиссером в «Наваждение Катерины».

Три года назад Минусинск получил за своих «Циников» фестивальный спецприз. И дело, по всей видимости, было не в одних лишь художественных достоинствах постановки. Столицу восхитил сам факт, что в крохотном, затерянном у подножия Саян городке с населением в 70 тысяч читают и ставят Мариенгофа.

Уважать Песегова и впрямь есть за что. Хотя ни тогдашние «Циники», ни теперешнее «Наваждение Катерины» не назовешь сценическими шедеврами, но в песеговских спектаклях всегда чувствуется прозрачность режиссерских намерений и то драгоценное свойство, которое принято именовать высокой постановочной культурой. Историю о ласковой злодейке, загубившей на пару с любовником несколько человеческих жизней, режиссер осторожно перевел в сослагательное наклонение. Пока попы гундосили, сочетая законным браком рабу Божию Катерину и раба Божьего Зиновия, у алтаря словно мелкий бес пробежал. Достаточно одного лишь беглого взгляда в сторону, в полуутму церкви, откуда на мценскую купчиху нагло плятится молодой ухарь, мужчин работник Сергей (Алексей Дербунович), — а дальше у впечатлитель-

ной девушки фантазия сама пошла работать. Вот уже и сладкое прелюбодеяние перед глазами пронеслось, и грибочки для тестя, и удавочка для мужа, и ссылка, и каторга... Наваждение, одним словом. Чур-чур-чур.

Если это и сон Катеринин (тонкостанная дебютантка Екатерина Соколова играет свою тезку с поволокой в глазах и небрежной ленцой в речах), то сон отчетливый, резкий: ясно, аж до линии горизонта, делается различима каждая деталь. Даже посиневые жмурики, то и дело являющиеся Катерине в кошмарах, смотрятся вполне обыденно.

Перед нами возведена двухэтажная машина, огороженная глухим забором. Сладострастное томление Катерининой плоти будет совершаться на балконе этого дома в сопровождении музыки Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь» — томительный и долгий полутанец, в процессе коего в ласковой и нежной девице пробуждается все темное и звериное.

Сцена осенена иконой Богоматери Умиление, впечатанной в самую сердцевину мельничных крыльев. Когда хорошенькую головку Катерины посещает мысль об очередном убийстве, кровавая мельница начинает бешено крутиться, а вместе с ней, будто в парке аттракционов, кувыкается и сама Богоматерь. Метафора, признаться, нехитрая, да Песегов и не думает хитрить. Он ставит спектакль с моралью, устало повторяя: не убий, не прелюбодеяй, не возжелай вола ближнего своего... Мы про эти заповеди, конечно, и без него слышали, но за напоминание спасибо. Глядишь, какая-нибудь Катерина из зала испуганно перекрестится и больше не будет грешить.

В finale, как и следовало предвидеть, Песегов закольцует свой спектакль. Вновь повторится начальная сцена Катиного венчания, вновь зыркнут похотливые кобелиные глаза из темноты, но девушка, взяв себя в руки, повернется к алтарю, к Богоматери. Вволю по-прелюбодеиствовав в сердце своем, на деле она так и не изменит супругу. Очень поучительная история.

За роль Катерины Измайловой, которую соблазняет Сергей [Алексей Дербунович], дебютантка Екатерина Соколова выдвинута на «Золотую маску». Фотограф: Екатерина Штукина/Газета

Песегов Алексей
худрук минусинской драмы Театр

325